

На следующее утро, когда Цзян Суйчжоу открыл глаза, первое, что он увидел, был незнакомый полог кровати.

Он хотел было рывком сесть, но голову пронзила такая острая боль, что малейшее движение вызвало приступ сильного головокружения. Нахмурившись, он еще какое-то время лежал неподвижно, пока мир перестал вращаться перед глазами, и лишь тогда медленно приподнялся.

Вокруг было уже совсем светло. Обстановка казалась и чужой, и в то же время смутно знакомой — это была комната Хо Уцзю.

«Это еще как...»?

Цзян Суйчжоу на мгновение растерялся. Опустив голову и сжимая виски ладонями, он долго пытался собрать воедино осколки памяти. Вчера вечером он пил здесь вино с Хо Уцзю, но напиток оказался слишком крепким, а тело принца — слишком слабым: на середине кувшина его окончательно развезло.

Как бы он ни старался, он не мог вспомнить, что было дальше. Значит... он провел ночь здесь и, более того, занял чужую постель?

Пока Цзян Суйчжоу пребывал в замешательстве, дверь во внутренние покои открылась. Вошел Хо Уцзю — уже умытый, от него веяло свежестью и холодной водой. Он неспешно подкатил кресло к кровати.

— Проснулся? — спросил он.

Цзян Суйчжоу поднял на него взгляд. Хо Уцзю, хоть и сохранял бесстрастное выражение лица, выглядел бодрым и сидел в кресле удивительно прямо. А вот сам принц, помятый и бледный, полулежал на его постели, прислонившись к изголовью — обстановка была, мягко говоря, двусмысленной.

— Вчера перебрал с вином и даже не заметил, как остался у тебя на ночь, — сказал Цзян Суйчжоу, прижимая руку к виску.

Хо Уцзю бросил на него мимолетный взгляд и сухо обронил:

— Ничего страшного.

Затем он развернул кресло к выходу и громко позвал Мэн Цяньшаня. Тот, прождавший у дверей всю ночь, мгновенно влетел в комнату и распорядился подать заранее приготовленный отрезвляющий отвар.

Под присмотром слуги Цзян Суйчжоу выпил снадобье. Голова немного прояснилась. Он поднялся, сменил одеяние и увидел, как в комнату вошли Ли Чаннин и Вэй Кай.

Заметив принца, попивающего чай прямо на постели Хо Уцзю, оба на мгновение остолбенели. Ли Чаннин тут же поспешно опустил голову, делая вид, что ничего не видит, и не забыл чувствительно дернуть за рукав Вэй Кая, который во все глаза уставился на Цзян Суйчжоу.

— Я заходил в главные покои, но не нашел Ваше Высочество. И подумать не мог, что вы поживаете у господина, — поклонился Ли Чаннин.

Цзян Суйчжоу коротко кивнул:

— Неважно. Если дозировку лекарств менять не нужно, пусть готовят как обычно.

Ли Чаннин подтвердил приказ. Цзян Суйчжоу, опираясь на руку Мэн Цяньшаня, встал, но при подъеме его снова качнуло от головокружения. Он едва не потерял равновесие. «Нужно вернуться к себе и отоспаться», — подумал он.

— Делайте свое дело, я ухожу, — махнул он рукой.

Лекарь и его помощник поспешно расступились, провожая принца. Цзян Суйчжоу кивнул на прощание Хо Уцзю и вышел.

Как только дверь за пошатывающимся принцем закрылась и в комнате снова остались только трое своих, Вэй Кай настороженно выглянул наружу.

Убедившись, что Цзян Суйчжоу ушел достаточно далеко, он в ужасе обернулся к генералу:

— Генерал! Что это он...?!

Хо Уцзю холодно взглянул на него, сразу поняв, какие мысли роятся в голове парня.

Нахмурившись, он отрезал:

— Не выдумывай лишнего.

Вэй Кай облегченно выдохнул. Хоть он и был несведущ в делах амурных, при виде изнуренного принца в его голове зазвучал тревожный колокол. Почему тот ночевал у генерала и выглядел еще более слабым, чем обычно? Неужели между ними ночью действительно что-то... произошло?

Но раз генерал сказал «не выдумывать», значит, всё в порядке. Потрясение улеглось, и Вэй Кай, не умея вовремя прикусить язык, ляпнул:

— Я так и знал! Разве мог генерал опуститься до его уровня!

С этими словами он с надеждой посмотрел на своего командира, но наткнулся на ледяной, колющий взгляд.

Хо Уцзю сдвинул брови и процедил:

— Следи за языком.

Вэй Кай мигом захлопнул рот и часто закивал. Генерал больше не смотрел на него. Опираясь на подлокотники кресла, он встал и медленно направился к кровати. Вэй Кай, проявляя редкую догадливость, отступил в сторону и принялся разбирать лекарственные травы, принесенные Ли Чаннином. Он отчетливо понимал: только что он сказал что-то не то и разгневал генерала. Только вот... в чем он ошибся? Что так разозлило командира?

В главных покоях Анъиньтана Цзян Суйчжоу, поддерживаемый Мэн Цяньшанем, наконец лег в свою постель. Он привык к мягкости своего ложа и только сейчас осознал, насколько жесткая кровать у Хо Уцзю — за одну ночь у него заныла вся спина.

Мэн Цяньшань помог ему немного поесть, задернул полог и оставил принца досыпать.

Однако сон не шел. Цзян Суйчжоу долго ворочался, пытаясь восстановить хронологию событий.

— Скажи, как я вчера там уснул? — наконец спросил он.

— Ох, Ваше Высочество, откуда же мне знать? — всплеснул руками слуга. — Я дежурил на веранде до третьей стражи. Потом вышел господин и сказал, что вы остаетесь у него.

Цзян Суйчжоу нахмурился:

— Господин Хо сам это сказал?

— Так точно, Ваше Высочество. Вы не помните?

После недолгого молчания принц нехотя признал:

— Перепил, памяти совсем нет.

«Странно», — подумал он. По словам Мэн Цяньшаня выходило, что он сам решил остаться. Но он совершенно не помнил такой просьбы.

Напротив, в голове всплывали неясные видения: всё кружится, и чьи-то сильные руки подхватывают его и властно укладывают на постель.

Но это наверняка был лишь бред. От раздумий голова разболелась еще сильнее.

Он потер виски и тихо вздохнул:

— Ладно, забудь.

Конечно, это галлюцинация. Ноги Хо Уцзю парализованы. Да даже будь он здоров — с какой стати ему носить принца на руках?

Несмотря на уверенность в тяжелой болезни брата, император Цзян Шуньхэн не терял бдительности. Время от времени он присылал придворных врачей проверить состояние Цзян Суйчжоу.

Снадобье Гу Чанцзюня действовало безупречно: поначалу болезнь навалилась как обвал в горах, повергнув лекарей в смятение, а затем начала медленно, шаг за шагом отступать, оставляя принца в состоянии хронической слабости и бледности — достаточном, чтобы поддерживать жизнь, но не внушающем подозрений в симуляции.

Придворные лекари, какими бы искусными они ни были, не находили подвоха. Недавно они доложили государю: принц Цзин пошел на поправку, но его жизненные силы подорваны. В поместье держат каких-то безвестных лекарей из глухомани, которые пытаются привести его в чувство, но пока без особых успехов.

Услышав это, император пришел в восторг.

— Хватается за любую соломинку, — лениво усмехнулся он.

— Истинно так, Ваше Величество, — поддакнул врач.

— Раз он уже может стоять на ногах, пора ему явиться ко мне во дворец, — решил император.
— Я сам пожурю его. Зачем верить всяким шарлатанам, когда в придворной аптеке есть лучшие врачи страны?

Стоявший рядом евнух подобострастно уточнил, на какой день назначить аудиенцию, чтобы отправить указ. В последнее время император пребывал в дурном расположении духа и искал развлечений. А что может быть забавнее, чем смотреть на умирающего брата и гадать, когда же этот доходяга наконец протянет ноги?

Через два дня Цзян Суйчжоу прибыл во дворец. Под действием снадобья он и так выглядел изможденным, а недавнее похмелье добавило его лицу нездоровой серости. Когда он вошел, он казался еще слабее, чем обычно.

Парадное одеяние принца — тяжелое, густо-черное, с широкими рукавами — лишь подчеркивало его худобу и бледность. Когда он опускался на колени для приветствия, он так пошатывался, что казалось, дунь на него — и он рухнет сам, без посторонней помощи.

В этот момент он разительно напоминал свою мать — «наложницу-искусительницу» — перед самой её смертью. Прежний император скончался во время бегства на юг, и эта женщина тоже заболела в пути. Как только отец умер, нынешний император приказал запереть её, лишив слуг и лекарств.

Перед её смертью он зашел к ней один раз: когда-то прекрасное, манящее лицо иссохло, глаза ввалились, а кожа стала землистой. Глядя на это, государь чувствовал неопишное удовлетворение.

И вот теперь сын идет по её стопам. Насладившись зрелищем, император язвительно справился о здоровье брата. Цзян Суйчжоу ожидал чего-то подобного: он лишь изображал крайнюю немощь и отвечал односложно и вяло.

Вид поверженного врага привел государя в прекрасное расположение духа. Еще до полудня он решил, что на сегодня веселья хватит, и жестом велел брату удалиться. Но когда Цзян Суйчжоу уже собрался уходить, император добавил с улыбкой:

— Пятый брат, раз ты оправился, не пора ли тебе вернуться к обязанностям в Министерстве церемоний? Без тебя в Министерстве мое сердце не на месте.

«Не на месте, как же...» — подумал Цзян Суйчжоу.

Его должность была чисто номинальной, и его присутствие ничего не меняло. Император просто хотел нагрузить его работой, надеясь, что в таком состоянии брат окончательно надорвется и сократит себе жизнь на несколько лет.

Впрочем, Цзян Суйчжоу это было только на руку. После всех ударов, которые он нанес Пан Шао, тот явно не оставит попыток отыграться, а находясь при дворе, принц мог быстрее узнавать о планах врага.

Изобразив на лице крайнее нежелание и вяло поспорив для приличия, Цзян Суйчжоу под давлением «непреклонной воли государя» согласился прервать свой отпуск.

Император просиял. Цзян Суйчжоу поклонился и вышел. Покидая зал, он краем глаза заметил,

как довольный государь вольготно закинул ноги на стол. Принц бесстрастно отвел взгляд.

Поистине, вдовствующая императрица Пан была недальновидна — вся в своего брата. Она прилежно учила сына ненавидеть наложниц-соперниц и мучить братьев ради забавы, но совершенно забыла научить его быть настоящим императором. Они оба верили, что их династия будет вечной, а пока Пан Шао держит на своих плечах государственные дела, можно спать спокойно.

«Сами куют свою погибель», — подумал Цзян Суйчжоу, выходя на дворцовую площадь.

Солнце поднималось всё выше. Ему нужно было поскорее покинуть дворец, чтобы встретиться с Сюй Ду и Гу Чанцзюнем и обсудить дальнейшие шаги.

Но именно в этот момент на широкой площади перед залом он увидел человека, идущего ему навстречу. Тот шагал размашисто, направляясь напрямик к императору.

Рядом с ним семенил евнух, с жалобным видом пытаясь его удержать:

— Великий ситу, постойте! Государь сейчас занят, боюсь, он не сможет вас принять...

Цзян Суйчжоу замер. Всё его тело мгновенно напряглось, как натянутая струна. Прямо на него шел Пан Шао.

<http://bllate.org/book/16965/1583515>